

Вслед за В.С. Виноградовым мы считаем, что даже общие имена собственные маркированы культурными, историческими особенностями определенного народа. В плане содержания отличительной чертой реалии и смыслового имени собственного по сравнению с другими словами является характер их предметного содержания, т.е. тесная связь референта – обозначаемого ими предмета, понятия, явления – с народом, с одной стороны, и с национально-историческим колоритом, с другой.

Мы не разделяем мнение теоретиков С. Влахова и С. Флорина [2], которые полагают, что нельзя причислять некоторые имена собственные к реалиям, что разграничить их можно только опираясь на орфографию. Мы склонны включать общие имена собственные в категорию реалий, хотя, исходя из критериев теории перевода, рассматриваем их как самостоятельный класс «безэквивалентной лексики», которому присущи свои признаки и способы передачи при переводе, разумеется, совпадающие с приемами «перевода» реалий.

Яркое коннотативное значение, обуславливающее способность передавать национальный и/или исторический колорит, роднит имена собственные с реалиями. Как и реалии, имена собственные являются яркими носителями колорита и национального своеобразия подлинника, именно это заставляет нас и ряд других авторов причислять ономастическую лексику к реалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
3. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
4. Монтень М. де. Опыты. – М.: ЭКСМО, 2007. – 512 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Учебник, 2000. – 136 с.
6. Сталтманс В.Э. Ономастическая лексикография. – М., 1989. – 253 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
8. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 205 с.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1968. – 336 с.

УДК 811.161.1'367.332.7

Е.П. Денисова

ПРАГМАТИКА ПРЕДИКАЦИОННОГО АКТА

Кратко освещаются характеристики (модальность и пространственно-временная отнесенность), структура и природа предикационного акта как важного объекта синтаксического исследования. Рассмотрение его прагматики связано с анализом фаз речевого акта, традиционно выделяемых в теории речевых актов. Итоги соотношения предикационных слоев высказывания и фаз речевого акта представлены в виде таблицы.

Ключевые слова: модальность, пространственно-временная отнесенность, предикационный акт, прагматика, речевой акт.

В центре нашего внимания находится предикационный акт, обладающий рядом важных характеристик, которые являются релевантными как для синтаксиса,

так и для прагматики. Мы обратимся к рассмотрению основной задачи всякого предикационного акта, его характеристик, структуры и природы, а так же соотнесем их с наиболее общими представлениями прагматической лингвистики.

Основной задачей всякого предикационного акта является выражение тех или иных отношений действительности, когда они становятся «активно раскрываемыми мыслью» [11: 44]. Компоненты знаний об этой действительности неизменно хранятся во внутреннем лексиконе, в семантической памяти, а в них, в свою очередь, присутствует предикцирование. Каждая составляющая содержания лексем может быть представлена в качестве признака, имеющего форму предикаций.

Г.П. Мельников полагает, что под предикацией следует понимать любой мыслительный акт, т.е. изменение структуры сознания, протекающее под воздействием воспринятых знаков. Предикационный акт совершается как слушающим под воздействием воспринятого высказывания, так и говорящим на этапе внутреннего программирования, когда он выбирает предмет мысли для передачи его слушающему и устанавливает присущий этому предмету признак [5: 119]. Важным свойством предикации является ее глубинность, т.е. то, что она осуществляется на особом «языке мозга» [7] и имеет форму минимального акта познания.

Существует немало терминов, описывающих совокупность признаков определенного фрагмента действительности. Приведем лишь два примера.

А.А. Залевская использует для определения этой совокупности признаков термин «идеолексикон», говоря при этом о том, что слово в нем оказывается совокупным продуктом множества актов глубинной предикации, результаты которых всегда в той или иной мере учитываются говорящим или слушающим на уровнях бессознательного или сознательного контроля и могут быть в любой момент переведены на уровень актуального сознания [2: 11].

Другим термином, коррелирующим с представлениями о целостности наших знаний о действительности, являются фреймы, сценарии и сцены Ч. Филлмора. Утверждения фрейма также представляют собой глубинные предикации, реализующиеся не в отдельном высказывании, а на текстовом уровне. Именно на уровне текста может быть выделена следующая важная характеристика предикационного акта: составляющие его предикации представляют собой сложную структуру, в которой можно выделить предикации первого, второго и т.д. порядка, позволяющие характеризовать окружающие нас фрагменты реальности [14].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что предикационное высказывание и соответственно его природа сложны.

Ю.С. Степанов [12: 320] обращается к рассмотрению природы предикативного порождения высказывания, выделяя в нем несколько этапов, протекающих не одновременно, но последовательно сменяющих друг друга. Выделяемые лингвистом этапы представлены нами в виде схемы (см. рис.).

Несколько расширяя и уточняя эту схему, следует более подробно остановиться на модальном плане предикационного акта.

Модальность традиционно понимается как выражение содержащегося в предложении отношения сообщения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего. Согласно точке зрения В.В. Виноградова, суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как относится он к действительности, чтобы обеспечить действенность, актуальность основного средства общения [1]. Существует также расширенное понимание модальности, когда в субъективную модальность включает-

ся экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения. Следует, однако, отметить, что многие ученые выступают против включения эмоционально-экспрессивного отношения в состав категории модальности [6; 8]. Тем не менее, стоит отметить, что модальность является важной характеристикой предикационного акта, равно как и его пространственно-временная характеристика, точкой отсчета которой является сам момент речи.

Рис.

Временная локализованность может быть конкретной, т.е. предикационный акт оказывается непосредственно связанным с приписыванием признака предмету в определенный момент (в настоящем, прошедшем или будущем); признак может характеризовать определенный фрагмент действительности в течение какого-то периода времени и относиться к одной из трех временных зон. Кроме того, важную роль играют такие характеристики действия, движения и процесса, как длительность, многократность, продолженность, завершенность и т.д., находящие свое выражение в конкретных предикатах [9: 36–37].

Чтобы получить еще более современное и развернутое представление о предикационном акте, следует выйти за пределы синтаксических и грамматических характеристик предложения и связать его с несколько более отвечающей духу нашего времени лингвистической концепцией – прагмалингвистическим аспектом науки о языке.

Говоря о том, что каждое сообщение (а соответственно, и предикационный акт, являющийся его непосредственной частью) направлено на выражение мышления, обмен мыслями касательно тех или иных фактов [3: 8], следует подчеркнуть его непосредственную связь с теорией речевых актов.

Речевой акт – это «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в данном обществе нормами коммуникации» [13: 351].

А.Ю. Маслова во «Введении в прагмалингвистику» подчеркивает, что всякий речевой акт является сложным образованием, состоящим из трех фаз, уровней, актов: локутивного (акт произнесения; построение высказывания по правилам грамматики данного языка), иллокутивного (придание целенаправленности локутивному акту, выражение коммуникативной цели) и перлокутивного (реакция на речевое действие) [4: 50–51].

Учитывая точку зрения Дж. Серля, можно добавить в структуру речевого акта к локутивному акту (или вместо него) пропозициональный акт, подразделяющийся на акты референции, т.е. отнесения к миру, и акты предикации, т.е. высказывания о мире [10: 151–169].

Возвращаясь к схеме Ю.С. Степанова, описывающей природу предикативного порождения высказывания, можно попытаться соотнести ее с фазами речевого акта в приведенной ниже таблице.

В качестве дополнения к изложенному в таблице стоит более подробно остановиться на двух следующих пунктах: во-первых, имея пропозициональную структуру БЫТЬ ХОЛОДНЫМ (комната), мы не можем установить, была ли комната холодной на самом деле или нет, хотя именно установление этого акта и составляет мыслительный акт. Может оказаться, что мы в равной мере будем иметь дело как с утверждением (*комната холодная*), так и с отрицанием (*комната не холодная*). Какое из этих двух высказываний будет являться истинным, а какое ложным зависит от контекста, от ситуации.

Таблица

Фаза речевого акта	Предикационные слоги высказывания	Необходимые для проявления условия	Пример: <i>Комната холодная.</i>
Локутивный / Пропозициональный акт	а) базовый предикат, образующий ядро пропозиции		Prop: БЫТЬ ХОЛОДНЫМ (комната)
	б) добавление его аргументов (S и O)	Предусмотренность аргументов предикатами	S: комната
Иллокутивный акт	в) завершение формирования пропозиции;	- интенция - контекст - характеристики коммуникативного партнера	утверждение/ отрицание, истинность/ ложность € контексту, ситуации;
	г) добавление средств модальности.		Модальное отношение к действительности также контекстуально и субъективно.
Перлокутивный акт		Итог, реакция на речевое действие	закрывать окно, включить обогреватель, одеться потеплее...

Обобщая сказанное выше, мы можем отметить, что каждый из четырех предикационных слоев высказывания находится в тесной взаимосвязи с выделяемыми прагматиками фазами речевого акта. Каждая из этих фаз может быть соотнесена с соответствующей составляющей структуры предикационного акта, что позволяет нам убедиться в том, что всякие наблюдаемые явления языка, даже относящиеся к разным языковедческим аспектам, всегда имеют некие точки соприкосновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С.53–87.
2. Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – С.5–15.
3. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
4. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.

5. Мельников Г.П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969.
6. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
7. Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. – М.: Прогресс, 1975. – 463 с.
8. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973. – 220 с.
9. Сергеева В.И. Сентенциональные единицы языка в их отношении к мышлению. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – 65 с.
10. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.151–169.
11. Стеблин-Каменский М.Л. Спорное в языкознании. – Л., 1974. – 144 с.
12. Степанов Ю.С. Гипотеза в современной лингвистике.–М.: Наука, 1980.–384 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика – М.: Прогресс, 1981. – С.369–495.

УДК 81'255.2

Н.А. Ермолина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Рассматриваются переводческие трудности, вызванные несовпадением традиций употребления обращений в русском и английском языках. Приводятся примеры текстов, в которых обращения являются смыслообразующим средством, и анализируются варианты их перевода на другой язык.

Ключевые слова: актуализация, смысл, перевод, обращение.

Анализируя переводы художественных текстов, мы нередко встречаемся с неудачными переводческими решениями, обусловленными языковыми и культурологическими особенностями текста оригинала. Разграничивая эти особенности, мы, тем не менее, сфокусировались в своей работе на тех случаях, когда переводческие трудности вызываются употреблением в художественном тексте языковых единиц, перевод которых оказывается проблематичным одновременно как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения. К таким единицам относятся, например, обращения, сложность перевода которых во многом связана с их конвенциональной, культурно специфичной природой. Обращение в системе языка может быть детально описано лингвистами, однако реальное его функционирование в речи (и в переводе) – предмет исследования не только языковедов, но и культурологов, поскольку способы адресации закреплены в каждой культуре и различаются между собой. Например, для английской лингвокультуры характерно использование «вежливых» обращений (Miss, Madam, Sir), которые также называются «отрицательно вежливыми». Под этим подразумевается, что функция этих обращений состоит не только в выражении вежливости, но и в отдалении, дистанцировании от собеседника. В культурологии было давно подмечено, что англичане в представлении носителей других культур характеризуются замкнутостью, отстраненностью от собеседника, «излишней» официальностью. Таким образом, ес-